

Илья Леутин
Попакратия
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004256

Попакратия: ИД «Городец»; Москва; 2021

ISBN 978-5-907358-06-5

Аннотация

В «Попакратии» Илья Леутин деконструирует жанр подростковой повести, но не для развлечения – хотя куда ж без него? – а для того чтобы из обломков почившего в бозе жанра собрать величественное и устрашающее здание антиутопии нового типа. Антиутопии, которая исследует устройство человеческого социума – и громогласно хохочет над этим устройством.

Ядерная смесь из «Незнайки на Луне», «Праздника непослушания» и «Повелителя мух».

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Попакратия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Илья Леутин

Попакратия

Рисунки Ираклия Рамшвили

© И. Леутин, 2021

© ИД «Городец», 2021

Попакратия

Поэма о воинствующем инфантилизме, битве языков и о том, как сложно решиться ударить человека в нос, даже если он этого заслуживает

Ах, детство!

Выложи на рельсы строительные патроны, залезь на трансформаторную будку, потом внутрь трансформаторной будки, бегай по крышам и подвалам, подерись с козлами из соседнего двора, покатайся на тарзанке, сделанной из куска скамьи и пожарного шланга, над сливом технической воды с бетонного завода, поищи еще чего-нибудь интересного возле железнодорожного полотна, курдыбардни по взрывпакету кувалдой, взорви карбид в трехлитровой банке, покидай камнями в окна котельной, собирай шприцы и прочее с обратной стороны дома, жарь голубей, ударь товарища лопаткой по лицу, выменяй рогатку и постреляй в бомжа, кинь в унитаз калий, дрожжи, петарду, взорви колбу с селитрой, сними с рельсов пару костылей, положи на рельсы гайку на шестьдесят четыре, кидай с крыши яйца и капитошки, кидай накаленные в костре камни с моста в реку, подожги дверь алкашу с первого этажа, залезь на оставленный экскаватор, побегай по бетонным трубам на стройке, сунь транзистор на пятнадцать вольт в трехфазную розетку, а к семи приходи домой – там тебя уже ждут борщ, мясо, салатень, компотень,

чай, пирожки.

Съешь непременно все, ведь ты же растущий организм.

А случись такое, что ты послушный ребятен, с младых ногтей впитавший мечту вырасти в порядочного гражданина, – то и ты выходи во двор пошаландаться.

Во всем был виноват Жека по кличке Грыжа. Он первый начал. На маршрутах, известных только ему, в неведомых местах, на берегу загадочных водоемов, под поленницами дров и корой деревьев, отлавливал он быстролапых тритонов, чтобы выменивать их на самые нужные вещи: значки, красивые камни и хоккейные шайбы. За хорошего, жирного тритона можно было отдать любимую рогатку или даже пистолет. А все потому, что этих тритонов стравливали в смертельных боях и ставили на их выигрыш все свои главные богатства.

Бои устраивались на летней эстраде, которая выжила с дедовских времен. Музыку там давно не играли, песочное покрытие, небольшая бетонная ракушка и бетонные основания лавочек, лишенные древесины, целиком принадлежали детям. Вокруг наглого тополя, сумевшего пробить цемент, вырвать доски и вырасти прямо в центре сцены, дворовая шантрапа режиссировала смертельные схватки тритонов, этих далеких потомков гигантских динозавров.

Каждый держал своих бойцов в банке и откармливал жуками и комарами, которых либо ловил руками, либо находил мертвыми между двойных подъездных окон.

Паша был неторопливый остановись-и-понюхай-розу ребенок. Башкой, Трехлитровой Башкой и Мозгами его прозвали за негабаритную форму черепа и выдающийся интеллект. Иногда так его называла даже старшая сестра, с подачи отца, но мама и бабушка – никогда. Будь мама здесь, она бы называла его Пашутой или Олененком.

Башке с его подопечными не очень везло. Вернее, не вез-

ло катастрофически. Первый был проворным, но слишком щуплым и трусливым, второй жирным и неповоротливым. Башка успел порядочно проиграться из-за нехватки боевого духа в их шершавых тельцах. И все же кто-то должен проигрывать, чтобы другие могли выиграть, на том и держится мир. Видя бедственное положение Башки, Грыжа, как великий делец, предложил купить или обменять на что-нибудь своего самого сильного тритона. Его фаворит был магически, доисторически страшен. Мясистый, со зрочками, похожими на перечное зерно, брюхо его было желтоватым, на спине красовался пятнистый гребень. Не исключено, что он пугал Грыжу своим видом, и оттого ему хотелось избавиться от подопечного, даже несмотря на его непобедимость. Грыжа заявил, что отдаст тритона в обмен на хоккейную клюшку. Поставить на кон клюшку Башка не мог, по той причине, что родители сразу бы заметили пропажу, но у него не оставалось ничего другого, что можно было предложить в обмен на такого мощного бойца. Башка помотал головой, словно держал на плечах банку, на которую в целях просушки и придания формы нацепили парик и шляпу.

Он думал два долгих дня и решился на первое в своей жизни воровство: зная, что бабушка хранит сбережения между простынями, он отпер дверцу шкафа и вытащил из пачки четыре купюры. Так он стал принадлежать ему, оливковый гладиатор с пятнистым гребнем на спине.

Через неделю на двор обрушился запах лета. Если день

был теплым – а в памяти остаются только они, теплые, по-морскому влажные дни, – то начинался он с синтетических звуков радио, доносившихся через раскрытое кухонное окно. Дворовый поп брал за загрибок, заставлял лезть на подоконник, высовывать нос наружу. Животная музыка, словно иллюстрация к побегу зверей из зоопарка. Периметр оконной рамы вмещал лениво выползающих из всех щелей счастливых, опьяненных выходным днем соседей.

Кражу обнаружила сама бабушка: старея, человек видит хуже, но больше. Башке вставили по первое число и придумали наказание: неделю он находится под домашним арестом. В течение этой недели во дворе произошли драматические изменения: мода на бои тритонов сменилась модой на толченый гранит. Отныне тритоны интересовали всех не больше, чем мертвый еж в кустах. Такой была первая большая подстава, связанная с Жекой по кличке Грыжа.

Теперь двор охватила лихорадка игры в кэпсы, картонные фишки с примитивными рисунками, которые при ударе битой переворачивались аверсом или реверсом, выигрывались и проигрывались, кочевали из кармана в карман.

Бита у каждого была своя, тяжелая, размером с крупную монету, отлитая из гладкого свинца. Свинец добывали на свалке, разобрав старый автомобильный аккумулятор или утащив из дома дедушкин набор рыболовных грузил. Свинец плавил в консервной банке, над костром, и заливали в вогнутое дно пивной банки. Как и картонные фишки, би-

та могла выигрывать и проигрывать и переходила от одного игрока к другому, случалось, десятки раз. Таковы были правила игры: все знали, что, погостив у кого-то дома несколько дней, бита могла легко возвратиться к владельцу. Но у Вовы бита была особенная, счастливая. Этой битой Вова выиграл столько кэпсов, что другим и не снилось, и никогда не ставил ее на кон.

В один из дней Вова везло, плюс он действительно хорошо играл, и выиграл он фишек тридцать или сорок, никто не считал, но в карман они к нему не лезли ни стопкой, ни вразнобой. Еще перед игрой Вова предупредил, что поиграет не очень долго, он всегда так делал, чтобы суметь в нужный момент отвязаться: либо когда начинал проигрывать, либо когда выиграл много и боялся проиграть все обратно. Вова был хитрый, но Жека успел выучить эти его уловки. Обычно Вова говорил, что ему надо домой, готовить задание по программированию для репетитора. Во дворе далеко не все знали, что это такое, потому что Вова учился в хорошей школе, им преподавали программирование по-настоящему, а многие тут еще не закончили разбираться с арифметикой, и все это звучало загадочно круто. К тому же само слово «репетитор» придавало такой важности, которая могла оправдать почти любые действия. Слова «престижитатор», «кардинал», «репетитор» могли составить некий единый заклинательный ряд.

Вова засобирался, попрощался со всеми и ушел с забро-

шенной летней эстрады, на которой происходила игра. Он уносил с собой лучшие фишки, какие только были во дворе.

В игру вступил Вовин старший брат, Диман по кличке Абрикосовое Мыло. Автора клички и обстоятельства, предшествовавшие наречению, история не уберегла. У Мыла были свои фишки, играл он не так ловко, как Вова, но очень старался, он подменил брата с истинно Вовиным куражом. На этом кураже он проиграл первые шесть фишек. Потом стал чуть осторожнее и проиграл еще восемь. Затем стал играть совсем аккуратно, тогда как, похоже, как раз в этот момент следовало действовать решительно и смело, и проиграл еще шесть. Остальные он отдал только лишь из охватившей его безысходности.

Обдирательством Димана занимался Гусь, при Жекиной

горячей поддержке. Подростки не прятали своей радости, и именно это, а не потеря фишек, казалось Абрикосовому Мылу наиболее досадным в его положении.

– Я еще могу играть. В долг.

– У тебя фишек нет.

– Дома есть.

– Ага, как же. Это Вовины фишки, не твои. Будет он тебе их давать.

Все знали, что Вова никогда бы не поделился фишками, даже с братом. Слово «его» всегда означало «только его». Даже Колян мог иногда подкинуть Мылу пару фишек, в долг или просто так, если фишка была не особенно редкой, но не брат. А уж Колян ему был вообще почти никем, он был даже из другого двора.

Абрикосовому Мылу стало довольно грустно из-за своего положения. Он немного посидел рядом, наблюдая за тем, как Гусь расправляется с Витьком по кличке Скоржепа. Смотреть со стороны было не то что неинтересно, а даже жестоко по отношению к себе. Уходить Мыло не хотел, и, наверное, вид у него был до того грустный, что Жека сказал:

– Хочешь играть – играй на Вову.

Жека жил в дальнем дворе, за часовней, дружил со старшаками, со своей компанией вел полукриминальный образ жизни, отчего казался гораздо опытнее остальных. Однако иногда старшаки выгоняли Жеку из своей компании, и он прибивался сюда, чтобы поиграть и, может быть, показаться

самому себе более значимым, чем он был на самом деле.

– Как так «на Вову»?

– Мы тебе дадим битую и пятнадцать фишек в долг. Если проиграешь, то все, что Вова выиграет за эту неделю, отдает нам сверху.

– А как я его заставлю?

– Подумай, ты же старший брат. Можешь и не заставлять, а просто принести его фишки, вот и все.

Абрикосовое Мыло подумал. Заставить Вову что-либо сделать не было шансов. Вова был себе на уме. Абрикосовое Мыло подумал еще немного.

– Ладно, давай на Вову.

– Только без крестиков, – предостерег Гусь. – Уговор дороже денег.

– Да какие крестики. Взрослые все люди. Подожди, а если я выиграю, то что?

Жека с Гусем переглянулись. Такой исход сражения они даже не предусматривали.

– Ну заберешь сколько выиграю. А что еще? – не понял Гусь.

– Ну я-то не только фишками, я еще Вовой рискую.

– И что ты тогда хочешь?

– Вова идет за двадцать. Еще двадцать фишек насыпете.

Жека хитро подмигнул Гусю, будто бы Мыло не мог этого увидеть, но он еще как увидел и обозлился, в том числе потому, что Гусь был свой, из этого двора, а вел себя так, будто

из Жекиного и Жека ему самый закадычный друг. И вот он вынес свое милостивое решение:

– Ладно, двадцать. Понеслась. Гусь, играй.

– Дай слово пацана, – продолжил Гусь.

– Слово пацана, – с готовностью произнес Абрикосовое

Мыло и спустя десять минут проиграл не только фишки, купленные мамой в газетном киоске, но и своего родного брата.

С тех пор, как большая часть фишек оказалась сконцентрирована в руках Вовы и Гуся, играть в кэпсы стало неинтересно, потому как отыграться, имея в кармане пять-десять фишек, было нереально, а Вова, который мог бы вытянуть всех из кризиса, влив в круговорот немного своих фишек, либо занимался своим программированием и не выходил во двор, либо, когда выходил, принципиально не связывался с Жекой, которого считал мошенником и который теперь все чаще крутился возле Гуся. Игра развалилась, фишки осели в квартирах в виде сувенирной продукции, а в цене вдруг страшно поднялись свинцовые биты, которые остались у каждого, при этом были редки, неубиваемы и могли использоваться как открывашки или стило, царапающее что угодно на поверхности чего угодно. На этих битах следует заострить внимание, потому как именно они стали первой универсальной дворовой валютой. Всю следующую неделю битки обменивались на все подряд и конвертировались во все что угодно по хорошей цене.

Если подумать, детство пора крайне невеселая: найдешь в пыли какой-нибудь мусор и придумываешь, как в него играть. У них было так: крыльцо Филармонии обваливалось, и гранитные облицовочные плиты легко срывались и транспортировались на заброшенную навечно стройку. На стройке мальчишки размалывали плиты камнями в гранитную крошку, а крошку в порошок, ссыпали полученный порошок в тетрадные листы, затем дозировали по прозрачным упаковкам от найденных сигаретных пачек и закручивали верхушку. То есть материал воровали, а продукт сбывали по законам рынка. Это называлось «продавать наркотики». Не какие-то конкретные наркотики, а просто – «наркотики».

Соседний двор сначала не проявил интереса к товару, они не понимали, что можно делать с гранитным порошком, завернутым в полиэтилен от сигаретной пачки. Не понимали, пока по телевизору не показали фильм с Брюсом Ли, в котором Боло Йен, огромный китайский культурист со шрамом на лице, играл наркобарона. Этот фильм резко поднял спрос на изделия. Пакетики начали вымениваться на вкладыши, открытки и присоски для арбалета. Пара малышей из соседнего двора пробовали самостоятельно наведаться за Филармонию, но их вовремя заметила Светка, все организованно собрались, прихватив палки и металлические револьверы, и объяснили чужакам, что туда ходить не надо, даже просто так, погулять, потому что «это место стало нашим» и «за ним теперь присматривают».

Вскоре ребята захотели расширить границы поставок и стали выходить на дальние дворы. В тот момент, когда уже казалось, что все, кто хотел, уже приобрели товар, в результате разведывательной геологической экспедиции за Филармонию были обнаружены залежи красного мрамора, из которого можно было получить качественно иной порошок красного цвета. Красный порошок оказался новым веянием в бизнесе. Те, кто когда-то покупал белый порошок, тут же стали сдавать свои битки в обмен на красный и смесь красного с белым. Все использовали порошок по-разному, насколько хватало фантазии, бросали в лужу и делали пыльные бомбы либо же просто играли в скучных наркоманов, но несколько дней владельцы Филармонии чувствовали себя королями района.

И вот тут на рынке появляется Абрикосовое Мыло с мешком биток. Ровно половину дня он воспринимается как невероятный богач, невозможно представить, где он раздобыл целый мешок этих свинцовых изделий и что он может на них купить. Стать королем двора? Купить все наркотики? Галактику? Черную дыру? Вскоре Мыло рассказывает свой секрет Светке по кличке Полоска Света. Кличка означала, что Света легка, тонюсенька, бледна. Любимыми занятиями Светки были поедание фруктового льда, слушание морских ракушек, рассматривание божьих коровок ну и другие девочкины прогонки. Через Свету новость доносится до абсолютно всех участников дворовой микроэкономики. Мешок би-

ток для Абрикосового Мыла выточил их с Вовой отец, работающий токарем на заводе. Отец, конечно, сделал это исключительно из благих побуждений, видя, как носятся с этими кругляшами его сыновья, но именно благодаря его доброте рынок биток обрушился. Как только двор узнал о мешке, битки тут же перестали что-либо стоить. Никто их больше не хотел и не собирался ни на что обменивать. Однако надо отдать должное Абрикосовому Мылу: новость о том, что он, скорее всего, ничего не получит, не расстроила его, а заставила грамотно подсуетиться. Понимая, что Жека, отрезанный от двора, еще не успел получить важную информацию о гиперинфляции, Мыло поспешил его найти, и буквально всунул ничего не подозревавшему Жеке свои битки в счет старого долга, и выкупил, наконец, своего брата Вову из воображаемой долговой тюрьмы, в которую сам же его предварительно загнал.

– З-здоровая, молодежь. Я тут слышал, у вас такими свинцовыми блямбами можно ра-азжиться.

Это сказал непонятно откуда появившийся старшак Игорек, которого за глаза во дворе называли Горилла-Игорилла. Игорек чуть заикался. Он достал из кармана олимпийки битку, вроде тех, что были изготовлены батею Абрикосового Мыла. Присутствующие заинтересовались: Рыжик Тома, Стас-Матрас, Саня, Света и Башка. – Так че, м-можно или нет?

– А че, зачем тебе?

Вопрос был справедливым, потому как старшаки никогда не участвовали ни в играх с тритонами, ни с мрамором, ни с кэпсами. Старшаки они и есть старшаки, у них свои темы и свои интересы.

– Так, надо мне. Тут на одном производстве... такие же свинцовые, короче, используют... К-к-круги... Короче, могу купить. Если есть у вас. За деньги.

– Можем найти, если надо, – оживился Стас-Матрас.

– Да, найдем, если надо, – поддакнул Рыжик Тома.

– Только мне много надо. Много найдете?

– Сколько-то есть. Много – это сколько?

– От двадцати штук, если найдете... Хотя бы если будет...

Вот такую п-партию куплю. По пятьдесят рублей возьму у вас.

– За штуку?

– Ну не за все же, елки. Конечно, за штуку.

– По полтосу? – присвистнул Саня. – Фигасе. Ладно, мы поспрашиваем.

В разговор втиснулась Полоска Света.

– Мы найдем! Я знаю, где взять. Сорок или даже пятьдесят возьмешь, Игорек?

– Сказал же, возьму. Ч-чем больше, т-тем лучше.

– Ну я тебе сорок с чем-то найду. Только попозже приходи.

Света шепнула что-то Сане и Башке, вид у нее был ликующий и немного хитрый.

– Попозже у меня встреча одна там. Завтра приползу.

– Ну завтра приходи, Игорек, мы найдем. Точно найдем.

– Найдете?

– Конечно, найдем, Игорек, ты деньги приноси. Штук сорок точно.

– Значит, я на вас надеюсь, так, что ли? Завтра приду к вам.

– И деньги приноси.

– Все, забились, пацаны.

Обычно все обращались к коллективу «пацаны», даже если присутствовало несколько девочек. Про девочек знали мало, поэтому они были либо Кнопками, либо Дылдами, либо Жирдюсями, либо Серфингом. Если мальчик был прыщав, его называли Рябым или Картофельным Лицом. Не вышел ростом – Шпингалетом, не смешно пошутил – Клоуном. В Жекином же дворе, напротив, клички были преисполнены доблести и элегантности – очевидно, по той причине, что каждый придумывал ее для себя сам. Хотел ты быть Денисом Храбрым, Белоснежкой или Принцессой – зовись так хоть целый день, не ленись только периодически напоминать присутствующим, как тебя называть. Такая кличка говорила о внутреннем мире ее носителя несравнимо больше.

Игорила ушел.

Компания понеслась в соседний двор, по дороге проговаривая друг другу план. Все бежали, и только Башка ехал на своем белом самокате. Иногда он притормаживал, чтобы

сильно не обгонять ребят, иногда ребята ускорялись, чтобы догнать Башку.

– Щас берем у Жеки весь мешок биток. Там штук пятьдесят точно было. Сколько батя Мыла их наделал? – Фиг знает, штук семьдесят-то точно. Ну вот такой мешок примерно, – показал руками Саня, – Мыло его еле тащил.

– Ага. Хотя бы если семьдесят – это капец. Это семь на пять... Это триста пятьдесят рублей, что ли?

– Какие триста пятьдесят тебе? Это три тыщи пятьсот. Три тыщи, блин, пятьсот рублей.

– Фигасе. Делим по-честному. Поровну делим. Никому ниче не говорим.

– Только бы Жека у себя во дворе оказался.

Дети ускорились, как будто именно от этой секунды зависел исход всего мероприятия.

– А че Игорила к Жеке не подошел? Они же вроде общаются.

– Ага, «общаются» они. Жека только иногда за ними, как собачка, ходит, и то пока не надоест. Жека старшакам нафиг не нужен.

– Ну и битками мы же занимались, все это знают. У Жеки-то они случайно оказались. Если бы Мыло Вовика не проиграл, фиг бы у Жеки был сейчас целый мешок. – Ага, Жека в жизнь бы столько не нажил.

К счастью, подросток был в своем дворе и выглядел абсолютно спокойным, в отличие от группы разгоряченных за-

пыхавшихся друзей.

– Здарова, Жек.

– Че каво, пацаны?

– Да вот, по делу пришли. Поговорить.

– Ну говорите, раз «поговорить».

– Ты это... че, битки у тебя остались?

– Допустим.

– Остались или нет?

– Есть немного.

– Ты ж целый мешок у Мыла выиграл.

– Было дело.

– А сколько там штук-то было?

– Штук сто примерно, я точно не считал. А что?

– Да ладно, «сто». Штук пятьдесят, наверное.

– На пятидесяти я со счета сбился. Когда полмешка оставалось. А что?

Лица пришедших озарила плохо скрываемая радость.

– И че, весь мешок у тебя?

– Возможно.

– А где он?

– Ну дома, например.

– Будешь меняться?

– Слушаю ваши предложения.

– Крутанских катафот хочешь подгоним?

– Не интересуется.

- Ты же не видел еще. Че сразу «не интересует»?
- Потому что не интересует.
- Пряма совсем?
- Вот прямо совсем.
- Мы много можем дать.
- Говорю же, нафиг не нужны.
- Хорошо... Ну короче... Саня тебе свой самострел от-

даст.

Жека скривил лицо, словно лизнул лягушку.

- Так у него резина слабая.
- Нормальная. Стреляет же. Сань, скажи?
- Ну так. Слабая, конечно. Но этажа до четвертого бьет.
- Я че, дурак? Старый самострел братъ. Че вы мне старье пихаете?

- А че тебе нужно? Ты скажи.
- Деньги мне щас нужны.
- Понятно. Всем нужны. Денег у нас нет.
- Сочувствую. А че вам так резко битки понадобились?

То не нужны были никому, то вдруг всем стали нужны.

- Кому «всем» стали нужны?

– Да это я так. Может, кому-нибудь. Если вам надо, то покупайте.

- Сколько ты хочешь?

– За штуцер отдам.

- Смеешься? За тыщу?

– Да.

- Ты чиконатор? Кому они нужны за штуку?

– Им цена сто рублей. Двести рублей.

- За двести я даже домой подниматься не буду.

– Блин, ты дал, Жек.

– Не хотите – как хотите. Пускай лежат, мне-то что. Пригодятся как-нибудь. Вдруг еще кто-нибудь захочет купить.

- Да кому они нужны?

– Вам же нужны. Кто-нибудь тоже придет. Такой же, как вы.

– Ну нам они, может, понадобились.

– Вот кому-нибудь тоже понадобятся.

– Жек, ну тыща – это капец. Ты цены где такие видел?

Посмотри катафоты, они нормальные.

– Нафиг мне твои катафоты? Как хотите, короче, пацаны.

Я думал, вы по бизнесу, а вы так, потрепаться. – Ща, погодь, не гони. Дай мы поговорим с пацанами.

Ребята отошли на десять шагов и встали кругом, чтобы Жека не смог расслышать, о чем они толкуют. Жека в это время занялся рассматриванием носков собственных кроссовок. Со стороны было даже немного жаль его, вся компания отвернулась, очевидно храня от него секрет.

– Слышали? Там сто штук у него!

– Да слышали, не гони.

– Это же... Сколько... Пять тыщ, что ли, получается? Если по пятьдесят.

– Блин, ну он деревянный вообще.

– Надо брать. Все равно четыре тыщи еще останется, если мы за пятик продадим.

Стас-Матрас задумался.

– Надо брать железно, а то еще кент напрямую на Жеку выйдет, и плакали наши денежки. Пусть берет свою штуку, фиг с ним.

Компания вернулась к подростку.

– Жек! Ты это... Ладно, берем за штуку.

– Только деньги мы тебе завтра отдадим.

– Окей. Тогда завтра битки притащу.

– Не, нам битки седня нужны. Сможешь седня сходить?

– Вы борзые, пацаны. Где я вас искать потом буду?

– Мы у себя во дворе либо на стройке. Че нас искать?

– Ага. Потом ни денег, ни биток не найдешь. Знаю я такие

расклады. Проходили уже.

– Ты на че намекаешь? Что мы кидали?

– Да кому они нужны, битки твои? – возмутился Саня.

– Чо вы их покупаете тогда, раз они вам не нужны?

Саня толкнул Стаса локтем, чтобы тот не заводился.

– Жек, ну будь человеком, принеси щас. Ну нету денег.

– Залог давайте. – Жека кивнул на Башку. – Пусть мне, вон, пацан самокат оставит. Завтра штуку принесете, я самокат отдам.

– Ты офигел, самокат ему? Ты знаешь, сколько он стоит?

– Знаю. Лично для меня он стоит тыщу рублей в день.

До этого момента Башка не очень участвовал в торгах. Субординация по возрастному признаку. Было немного обидно, что Жека даже не знал его по имени.

– Не ссы, пацан, я кататься не буду. Один раз скатнусь только. Деньги принесут, я тебе его сразу верну. Меня тут все знают. Решайте быстрее, че, мне идти надо. Некогда тут с вами.

Друзья взяли еще минуту на размышление и встали кругом.

– Башка, давай оставим твой самик? Правда. Завтра забе-

рем, все нормально с ним будет.

– Пацаны, меня дома убьют.

– Никто не заметит. Зато мы завтра пятифон срубим. Серьезно, Башка. Ну выручай, будь другом.

– Меня домой не пустят.

– Он у тебя маленький, складывается. Вот прям вот родителям больше делать нечего, только за самокатом твоим следить.

Стас кивнул на стоящего отдельно Жеку:

– Ты видишь, он не пробивной? У нас больше таких шансов не будет. Деньги прям под носом лежат, надо только их взять.

– А че сразу я? Почему мой самокат?

– Был бы у меня самокат, я бы свой отдал. Seriously, Башка. Ну друг ты или нет? Войди ты в положение, не будь как Жека.

Башка не хотел, чтобы его сравнивали с этим мальчиком. Быть как он Башка не хотел ни при каких обстоятельствах. А вот заработать важные баллы доверия во дворе хотел.

– Ладно, пусть берет.

– Ты мужик, Башка.

– И настоящий друг... – Саня свистнул. – Жек! Бери самик, тащи битки из дома.

Как и договаривались, Игорилла пришел к ним на следующий день.

– Как успехи, м-молодежь?

– Вот, проверь.

Игорек взвесил мешок в руке, потом открыл и начал изучать содержимое, доставать битки и внимательно осматривать.

– Там сто штук. На пять тысяч рублей.

– Отлично. Прямо то, что надо. П-пять тыщ получается, да?

– Именно так.

– И что, тут п-прямо сто штук?

– Ага, мы посчитали.

– Ну х-хорошо. Завтра будут вам ваши пять тыщ.

– Подожди. А не сегодня?

– Ну я же их того... Н-на завод несусь. Там дадут добро, типа все подходит, все ок, и я сразу к вам. У меня-то самого денег нет.

– Че, совсем нет?

– Прямо, откуда?

– А если битки не подойдут?

– Подойдут, все нормально будет. Я же вижу, пацаны.

Ребят эта новость страшно разочаровала. Пир откладывался до завтра. Игорил забрал мешок и ушел в сторону своего двора.

Башка все представлял, как пухлый Жека катается по своему двору на его самокате. Возможно, он даже прыгает на нем с бордюров или съезжает с лестницы. Башка и сам прыгал с бордюров, но у него все же не такой вес, да и ведь это он,

владелец самоката, а не кто-то другой, поэтому имеет право. Хочешь прыгать – купи себе свой и прыгай. А съезжать с лестниц вообще, даже Башка себе не позволял. Может быть, Жека даже падал или давал покататься своим корешам-старшакам. А что: если они попросят, неужели он откажет? Да он все сделает, что они скажут. Может быть, самокат у этого чиконатора даже отберут, и как потом требовать с него денег обратно? В милицию, что ли, звонить? Да у него нет денег, и у родителей, скорее всего, нет. И почему деньги за битки получают все поровну, а залог должен платить он, Башка? У него что, он есть? Ну был у него самокат с собой, так ведь это абсолютно случайно, могло бы не быть. Мог он его дома оставить? Мог. И чем бы тогда платили пухлому Жеке?

Так размышлял Башка, когда во двор вышел Виталз. Этот светловолосый мальчик был еще младше и молчаливее Башки. Виталз был примерным ребенком и, по всем признакам, весьма хорошим человеком. Только у него из всего двора была безупречная одежда без единой дыры. Она всегда была глаженной и аккуратной, и иногда могло сложиться ощущение, что он каждый день ходит в новой.

Башка поведал Виталзу причину своих горьких раздумий. Виталз тут же, с искренней улыбкой, предложил:

– У меня пятьсот рублей есть в копилке. Мне еще на день рождения дарили, там осталось. Хочешь, дам? Выкупишь свой самокат.

Башка хотел. Он хотел что угодно, лишь бы получить са-

мокат обратно.

– Не знаю, Виталз. Это как-то тупо.

– Какая разница? Вы завтра разбогатеете и отдадите. Мне ведь они сегодня не нужны.

Башка прикинул, нужно ли в этом случае брать Виталза в долю на доход от биток. В сделке он не участвовал, и будет сложно перед ребятами. В основном потому, что к Виталзу никто, кроме Башки, особой любви не питал, хотя он никому ничего плохого не делал, просто был малоразговорчив и скромн, вот и все. Башка и сам был таким. «Хочешь поделиться – сам делись с ним своей долей», – скорее всего, скажет Санек. И будет прав. Впрочем, пока вообще не было условлено, как будет произведена дележка. Скорее всего, деньги будут потрачены совместно, вот и все. Возможно, какая-то доля пойдет в обшак, рублей на тысячу накупят еды. Вот тогда наличие Виталза никому не мешает, и он будет угощаться тем же самым, что и все, без всяких проблем. Просто по праву принадлежности к двору. Впрочем, занимало все это только Башку. Похоже, Виталз просто хотел помочь своему другу, без претензий на дивиденды, отнюдь не инвестировать деньги.

Через час Башка и Виталз были возле Жекиного дома. Башка сам от себя не ожидал такого жалобного тона.

– Жень, у меня родители ругаются. Спрашивают, где мокат. Верни, пожалуйста.

Жека оглядел обоих ребят.

– А деньги принесли?

Башке снова стало неприятно, мало того, что Жека не знал его по имени, он еще и отказывал ему в личности, ни разу не обратился к Башке напрямую, кроме фразы «дай самокат, не бойся, я один только раз скатнусь». Вот и сейчас, дело пришел урегулировать Башка, а Жека делал вид, что обращается к какой-то толпе, а не к нему персонально.

– Жек, деньги завтра будут. Точно.

– Начинается. Я же говорил, все так и будет. «Завтра», «послезавтра».

– Я обещаю, завтра тебе отдадут твою тыщу, меня просто реально родаки спялят, что самоката нет. Если я без него приду, они искать начнут, у тебя тоже проблемы будут.

– Ты меня проблемами не пугай. Давайте тогда чо-нибудь другое в залог.

Башка посмотрел на Виталза, ища поддержки. Виталз добродушно обратился к на голову выше его старшему товарищу.

– У меня есть пятихатка. Нормально?

Жека выдержал театральную паузу. Потом скуксился и сказал тоном человека, делающего великое одолжение:

– Ладно, давай сюда свою пятихатку.

Виталз достал из кармана шортов смятую купюру.

Вот так Башка получил свой самокат обратно.

Когда Жека привез самокат из дома, Башка оглядел его. Судя по засохшей грязи на шкурке и внутри стакана, на са-

мокате катались. Башка прекрасно знал, как сложно отмывается грязь из этих мест. Впрочем, Жека вряд ли так уж старался бы скрыть следы. Башка продолжил свой внимательный осмотр. На задней части деки появилась небольшая, но все-таки новая царапина.

Башка ходил по двору и жаловался, жаловался и канючил. «У меня царапина, блин, на деке. Весь самокат грязный. Это капец. Царапина. На деке. Капец же». Когда все уже устали его слушать, он начал продавливать свою идею.

– Я что думаю. Половину суммы за битки заплатил Жеке я. Это значит, что я выкупил у него половину биток. Значит, и куш могу забрать в половину. Мне кажется, так будет справедливо.

– Башка, ты дурак? С какого огребона половину?

– А что? За амортизацию самоката.

– Ароматизация чего? Ты где такое услышал?

Башку задело слово «дурак» – в общем, абсолютно необходимое в их среде.

– Вообще-то я Жеке могу рассказать, за сколько на самом деле вы продаете битки.

– «Вы» продаете? То есть ты уже с нами не продаешь?

В разговор, как пантера, впрыгнула язвительная Полоска Света.

– Ой-ой-ой, пожалуйста, Башка, не рассказывай. Хочешь, я на колени встану? Только не рассказывай.

– Хоть Интерполу расскажи, фуфел, – обозлился Стас.

– Сам ты фуфел.

– Фуфел ты!

Стас толкнул Башку в плечо, Башка толкнул его обратно.

– Убери руки, утырок!

– Сам убери руки.

Началась потасовка. Саня принялся разнимать ребят.

– Хорош! Стас, успокойся! Башка, ну хорош. Выключайте быкоко. Вы че, дебилы?

Парни успокоились, хотя на деле вряд ли кто-то собирался драться по-настоящему.

– Давайте, че. Забыли, проехали. Ты, по ходу, перегрелся, Башка. Самокат тебе вернули? Ну вот и отлично.

– Не вернули. Я за него пятьсот рублей заплатил.

– А тебя кто-то просил? Завтра забрал бы спокойно, и все.

– Ага, этот жиробас на нем целый день катался. На нем царапины!

– Вот с него и спрашивай за эти царапины. Мы-то при чем?

– При том, что вы меня заставили! А он мне за них чем заплатит? Своей жопой? Или со своей тысячи отсчитает? Вот и говорю, что возьму от общих денег за царапину. Мне причитается больше.

– Хорош, Башка, ну правда, замонал уже.

– Мы уже все решили: получим по четыреста рублей, остальное положим в общак, на еду. Все согласны.

– Все согласны, Башка. Кроме тебя.

Башка оглядел присутствующих. Волна жара поднялась от шеи, к щекам, ушам, лбу.

– Четыреста рублей? – повторил Башка. Он перестал слышать что-либо, кроме собственного голоса, как контуженный. Горячие слезы брызнули из глаз, от безысходности. Этим людям было невозможно что-либо объяснить. – Да я уже заплатил пятьсот, идиоты! – зарыдал Башка, развернулся и неудержимо зашагал к себе в подъезд.

Игорила все не приходил. Прошел день, и они отправились на его поиски. Их надежда на обогащение была обнаружена за столом возле входа в парк.

– Он, похоже, бухорылый, – предположил Рыжик Тома на основании очень уж странной, стекающей с лавочки, позы.

– Здорово, Игорек. Куда пропал?

Игорек навел на них фокус, обработал информацию в голове, узнал.

– Вас нет нигде, я че, должен по всему району за вами ходить?

В голосе Игорька была бессмысленная претензия, свойственная некоторым пьяным людям.

– Прости, Игорек. Конечно, не должен. Мы вроде во дворе почти всегда были.

– Может, отходили куда-то. Извини, Игорек.

Игорек фыркнул и уткнулся в землю. На земле никто не ползал и почти ничего не росло, но отчего-то Игорьку там было интересно.

– А ты что тут, рассос поймал? – добродушно и смело изменил фарватер беседы Стас.

– Так, отдыхаем малясика.

– Да ты не малясика. Ты втухаешь по полной! – задорно и звонко начал смеяться Стас. Игорила послушно поддержал его смехом.

– Что ни день, то пригар.

Казалось, это был хороший знак.

– Как там с битками? Подошли? – срезала углы Полоска Света.

– Че? – Игорек сморщил лоб, словно напрягал память, потом слишком старательно попытался артикулировать шипящие: – А вы как, ниче не знаете?

– О чем?

– Ну вы, блин, даете. Там это. Не получилось ничего с ними, короче. Жека потом разберется. У него все.

Выпивший, Игорек совсем не заикался. Друзья насторожились.

– При чем тут Жека?

– Ну, у него они. Его ж битки-то? Ну вот. У меня не получилось. Ему принес.

Ребята не поняли, откуда Игорьку известна связь битков и Жеки, но на всякий случай промолчали. Будь Игорек помладше, его бы, может, даже и набуцкали сгоряча, но довольно сложно предъявлять что-либо старшаку такого роста.

Во двор возвращались угрюмыми. Первым осенило Саню.

– Капец. Жека обо всем узнал. Точно. И подговорил Игорилу не покупать у нас битки.

– Напрямую купит у него, – вторым въехал Стас.

– Вот это обломище.

– Игорила – придурок самый настоящий.

– А может, правда на заводе не подошли?

– Ты тупой? Че он тогда не нам их отдал, а Жеке? Жека точно все узнал.

– И как мне теперь вернуть мои пятьсот рублей? – встревожился Башка. – Пацаны, ведь я ему даже не свои деньги дал.

Никто теперь не хотел попадаться Жеке на глаза. Если он узнал, за какую цену они хотели перепродать его битки, то это была безусловная подстава. Все, в общем, были не в настроении. Повернулся к Башке один только Саня.

– Знаешь, Башка, ты сам отчепорил, вот сам и разбирайся.

Нам туда явно идти незачем.

Если даже Саня был так жесток, то что Башке мог ответить Стас? Может, даже хорошо, что он сидел и молчал.

Пятьсот рублей были дороже страха и чести, и Башка пошел один. Жека шарился на расслабоне в своем дворе и был в превосходном настроении.

– Че, баблишка донес? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Не донес, – мрачно ответил Башка. – Сделки не будет.

– Почему?

Башка не до конца понимал, издевается Жека над ним или правда ничего не знает об их многоходовом абсурде.

– Ну вот так. Не будем мы покупать твои битки.

Жека пожал плечами.

– Я же говорил, что с вами так всегда. То «будем», то «не будем». Не взял бы аванса, остался бы без штанов.

– Верни мне пятихат, пожалуйста.

– Какой пятихат?

– Ну аванс.

Настроение у Жеки в половину секунды сменилось на противоположное.

– А чой-то? Ты же мне его дал как гарантию. Сделки не было – я его забираю.

– Так ведь битки у тебя.

– И что? А я тебя штрафую. Налог на потраченное время.

У Башки все сжалось внутри.

– Я же попросил: пожалуйста.

Жека заржал:

– А если я тебя за «пожалуйста» попрошу свои подошвы облизать, сделаешь?

– Ну ты и сука, – не ожидал сам от себя такой дерзости Башка.

– Че? – вскипел Жека. – Пшел из моего двора. Щас тебе ватник сломаю.

– Отдай бабло, вор!

– Я у тебя не просил битки покупать, это тебе надо было. Сначала научись бизнес делать, а потом приходи, вафля. Жри жмых, пингвин. Фофан тряпочный. Алависто, тряпка поlying.

Так сказал Жека Башке, а тот развернулся и ушел из двора. Было в этой ситуации и что-то хорошее. По крайней мере, теперь Жека обращался к Башке напрямую, как к человеку, личности. Он говорил ему «ты». А это уже был диалог, это уже было что-то.

Единственным соревнованием, в котором Башка мог выиграть пятьсот рублей, чтобы отдать их Виталзу, была чунька – простая игра на монетки, когда бросаешь пятак ребром, и если он переворачивается «орлом» – становится твоим, если «решкой» – его бьет твой соперник. Правда, обычный выигрыш редко составлял больше тридцати рублей в день, но Башка все же стал шаландаться по дворам, чтобы найти, с кем можно поиграть и получить копейку, играл он на креп-

ком уровне, выше среднего.

Он встретил Серегу Пипу, но у Пипы не было монет, обычно он тратил их на чупы или сигареты, а в долги залезать не хотел, это был его принцип. Из рта у Пипы всегда торчала либо пластмассовая палочка, либо незажженная сига. Пипа предложил Башке другую игру – баскетбол, и не на деньги, а на интерес. Ему очень хотелось поиграть, но партнеров не было. Башка был далеко не Скотти Пиппен и предвидел океан комичного в своей попытке поиграть с профессионалом. – Не, мне нужно сегодня поднять бабла, хотя бы рублей сто. Я бы лучше в чуньку.

– Зачем бабло? – спросил Серега.

– Да так, дело одно.

Вечер надвигался, все вокруг сделалось серым, и по периметру площадки зажгли фонари, некоторые из которых не горели, в целях экономии или по недосмотру, вследствие чего поле света на площадке оказалось в рытвинах темноты. Пипа покидал мяч, размялся. Его мяч был немного сдутым и прыгал невысоко, к тому же на площадке скопилось много луж, мяч быстро набрал внутрь себя воды и превратился в тяжелый кирпич. Пока Пипа разминался, Башка просто висел на перекладине.

– А где все твои?

– Делают уроки, – соврал Башка.

– Ну давай я тебе дам сотен. А ты со мной поиграешь, – предложил Пипа.

– Ты же сказал, у тебя нет денег.

– Монет нет. А деньги есть.

Башка удивился такому предложению, но быстро согласился и слез с турника.

– Еще хотя бы человека четыре, конечно. Было бы интересно играть, – грустил Пипа.

У Башки тоже возникло предчувствие, что игра будет скучной для обоих.

– Играем до «сорока» очков.

– До пятидесяти, – зачем-то возразил Башка, наверное, из благодарности и чтобы показать свою горячую заинтересованность. – Так ровнее.

– Идет.

Огибая лужи и перебегая из светового луча в тень и обратно, мальчики начали игру.

Башка сразу же взял мяч в обе руки, подбежал к кольцу, прыгнул и, неожиданно для себя, забил. Забил чисто, мяч не задел ни щитка, ни самого кольца.

– Пробежка! – закричал Пипа. – Пробежка была.

– Какая еще пробежка?

– Не больше трех шагов с мячом бежать можно, больше нельзя – пробежка.

– Ты сам бежал шагов сто, и не было никакой пробежки.

– Я делал два всего, а ты штук пять. Не считается!

– Считается!

– Не считается, у кого хочешь спроси. Хоть по телевизору баскет посмотри. Там увидишь, за такое – пробежка.

Башка не часто играл в баскетбол, а смотрел по телевизору и того реже. Пипа был явно опытнее, но от такого красиво заброшенного мяча отказываться не хотелось. Тем не менее Башке показалось, что он уже почувствовал игру, и потому согласился:

– Ладно, не считается. Считай, что даю тебе фору.

Мальчики разыграли мяч снова, и дуэль продолжилась. Пипа играл нагло, размахивал руками, бортовал плечом, а когда Башка делал так же, просто шел напролом всей своей массой, своим ростом и сдвигал его. Зато в корзину забрасывать он не умел, ему следовало подходить прямо под кольцо и бросать почти вертикально вверх, только так умел он попасть, в остальных случаях мяч просто отскакивал и улетал за зону, вправо или влево. Пипа же все время норовил забить

с трехочковой зоны или с прыжка, с подлета, с подкруткой, как опытный, бросал сильно, напрягая руки, мазал, злился и уставал. Башка тоже кидал не очень метко, разводил еще хуже, но все-таки знал, откуда может попасть точно, и ровно с этой точки старался кидать, если успевал сделать обманное движение и бросить после того, как подскочит Пипа со своим назойливым блоком.

При счете шестнадцать – двадцать два в пользу Пипы парни устали как придурки и больше не могли бегать. Ни один не мог забросить последние минут семь ни одного мяча. Башка мешал Пипе, а Пипа мешал Башке. Совсем стемнело, и это еще более осложняло игру – разве можно соревноваться в угольной шахте?

– Давай закончим завтра, – предложил Пипа.

– Нет, сегодня.

Башка понимал, что если закончить завтра, то и деньги будут только завтра.

– Ну смотри, – крикнул Пипа, побежал из последних сил, со злостью и звоном отбивая мяч от покрытия, бросил и снова промазал.

Башка подобрал мяч, вывел за зону. Пипа даже не мешал ему, настолько он устал. Башка кинул и тоже промахнулся. Пипа, в свою очередь, поймал мяч и пошел выводить в свою зону.

– Ничья, – еще через пять минут предложил Пипа.

– Ладно. А как с деньгами?

Пипа без промедлений расстегнул внутренний карман, достал стопку мятых разноименных банкнот и протянул одну из них Башке.

– Спасибо за игру.

Башка до конца не был уверен, что деньги ему действительно достанутся, и теперь пришел в восторг от такого хеппи-энда. Он представил, что еще за четыре игры мог бы отбить долг для Виталза.

– Всегда пожалуйста. Если хочешь, завтра можем еще поиграть, – улыбнулся Башка.

– Надеюсь, завтра сможем бесплатно. Зови своих.

Башка почувствовал, что теперь ему придется время от времени играть с Пипой. Быть может, общие усердия, приведшие к усталости, либо же Пипин добрый поступок родили в Башке теплые чувства к этому парню. Странно, что они так мало общались раньше. По дороге с площадки Башка, на волне своей благодарности, решил открыть Пипе секрет, зачем ему понадобились деньги. Он начал рассказывать с самого начала, как Абрикосовое Мыло втюхал Жеке битки.

– Это я знаю, – перебил Пипа и махнул рукой, – Жека всех вас кинул.

– В смысле «кинул»? – не понял Башка.

– Никому ни на каком заводе не нужны ваши битки. Жека все это придумал, чтобы вас наказать и втюхать их вам, за тыщу рублей. А Игорила его кореш. Теперь у него и битки, и деньги.

«И на самокате моем покатался, гад», – пронеслось у Башки в голове. Интересно, где же бродили пацаны. Обида на них в мгновение улетучилась. Нужно было срочно пересказать им новую информацию, случайно выведенную у ангела-баскетболиста, спустившегося с неба, чтобы вручить сто рублей и помирить с друзьями.

Жирная черная гуталиновая мужская пипирка, исполненная в стиле старого доброго наивизма, красовалась на металлической двери Жекиной квартиры. Автор рисунка, Трехлитровая Башка, стоял рядом, окруженный группой подельников, и в их творческих планах концептуализировалось лишь одно коллективное действие: поскорее смыться из подъезда.

Художник вознес величественную композицию своего готически мрачного творения от угольно-тяжелого низа, этих гигантских шаров-щекотунов с небрежными линиями волосков, к невесомому сфумато, исчезающему в апогее на кончике шишки. Три капли эякулята, схематично переданные тремя чертами, ферматой нависли над кнопкой звонка.

Не было никаких сомнений, что адресат сможет считать послание, закодированное для него в этом мурале на языке примитивного искусства: «война».

– Вот кто-то свой драный хлебальник зашивать будет, – вспылил Жека, когда это увидел часом позже. Прокуренное подъездное отражение превратило звук его голоса в дистрофичное эхо.

Ответ от Жеки не заставил себя долго ждать. Он и его парни – Димас-Пумас, Гонза и Скоржепа – нагрянули во двор. В то время там играли только Рыжик Тома и Стас-Матрас. Без лишней болтовни, видимо, из соображения экономии сил, Гонза зарядил Томе кузонками в минусовые очки. И грянул бой, сошлись они в дыму, среди двора. Стаса, как более старшего и опыт-ного, буцкали сразу двое: Пумас и Скоржепа. Жека стоял рядом и наслаждался возмездием.

– Нифига ты словил с бабочки, ха, лох, – насмехался он.

Ребятам были показаны такие мульти-пульти, после которых голова Рыжика Тома покрылась синяками, как шляпа мухомора горошинами, а Стас-Матрас стал Стас-Метастаз. Вдобавок им было наказано передать своим, что их ждет аналогичная кара.

И здесь в историю вклиниваются взрослые. Как оказалось, совершенно зря.

Папа Рыжика Тома пошел искать справедливости к родителям Жеки, застал только маму и имел с ней неприятный разговор, в результате которого употребил грубое слово «угомонись», к которому мама отнеслась отрицательно. Следующий ход сделал Жекин папа, который после рабочей смены, в сопровождении супруги, пришел к папе Тома, чтобы спросить за «угомонись». В пересказе соседей, дошло до рукоприкладства. Мужчины категорически не смогли достичь консенсуса и раскровили друг другу вьюшечки.

Слухи об этом заставили всех занять оборонительные по-

зиции и готовиться к худшему.

Чайник двора закручивал заварку пыли, и дети, по-китайски щуря глаза, хлопали друг друга ладонями по плечам и спинам. «Кошка, покемошка, фишка, получай, мальчишка, шишку». Мальчишка получал шлепок и немедленно возвращал обратно, эстафетой обеспечивая некое закономерное круговращение. Так мелюзга не знала чем себя занять. Серьезных же ребят, за которыми сила, которые что-то умели и могли, интересовала война.

– Ну-ка, стройтесь все по росту, я из вас армию делать буду, – приказал Саня. – У тебя брат пятиклассник – будешь капитаном, у тебя батя в тюрьме – будешь подполковником.

Заслуги каждого были известны.

– А че это он будет капитаном, а я лейтенантом? Может, наоборот? Почему ты решаешь? Сам и будь лейтенантом.

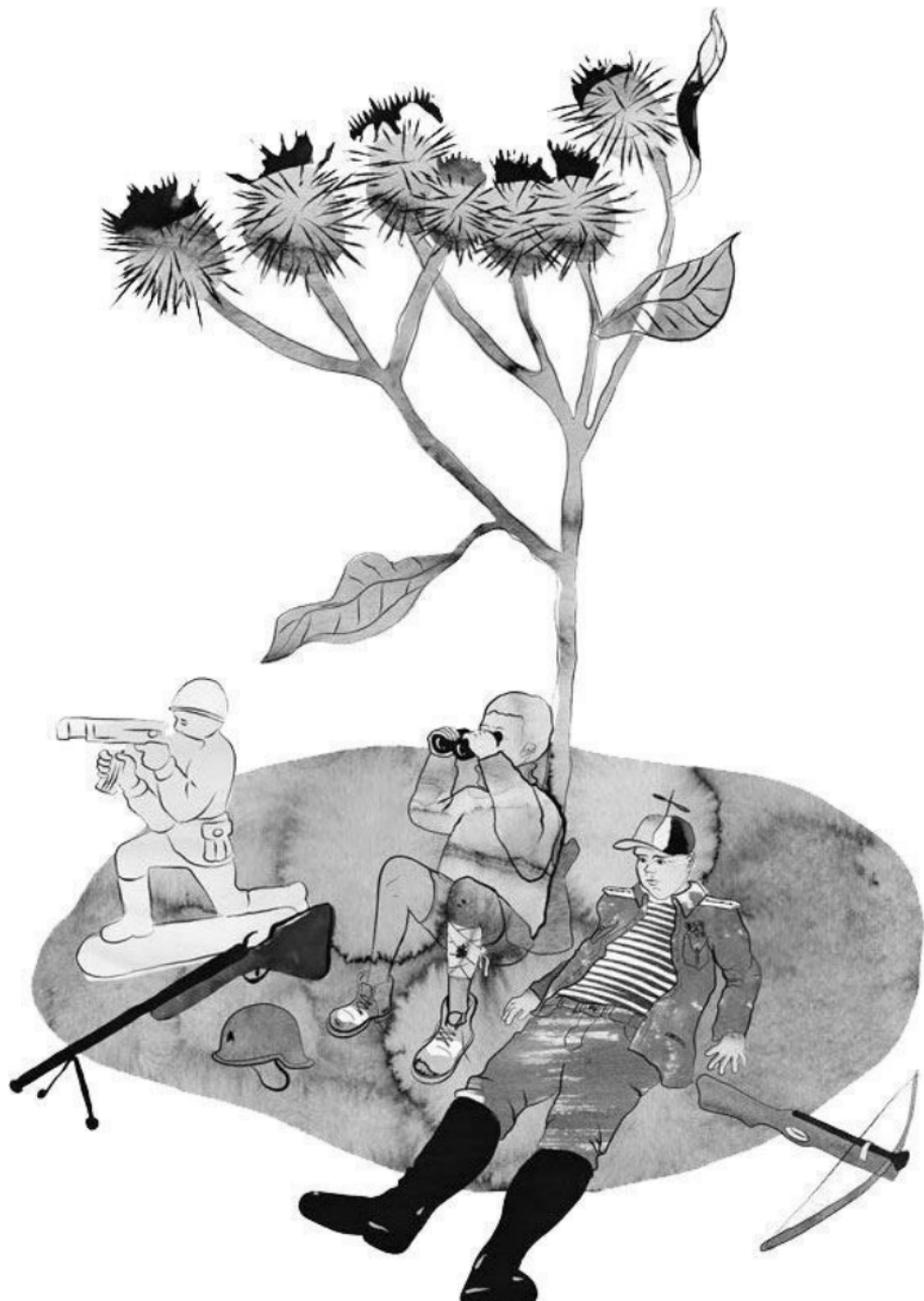
– А то, что, во-первых, я знаю, у кого какие звезды на погонах быть должны. Я книжку у деда читал. Вот скажи, ты знаешь, сколько звезд у капитана?

Хобяка не знал.

– Вот и будешь лейтенантом. А во-вторых, звезды для погон есть только у меня.

На этих словах Саня достал три ветки репейника. Где достал он этот репейник, было тайной. За тем полем, что за стройкой, что за новостройкой, за пустырем, где когда-то Мишка нашел мертвую собаку и звал друзей потыкать палками, там – чу! – шебуршала мухоедка, там ухал вывертень

и разбубелось стрекомысло. В том поле разгулялась гуляля, ветрилось ветрило и барахталось барахтало. Туда не ступала нога, только раз у пьяницы ступала, когда сломался автопилот и он промазал мимо обычных кустов, да и то потом не вспомнил, как туда попал. Там на сопке рос чичажник, цвел мантульник, колосился загогульник и чиграк, там благоухал волчий локоть и зарыл свою кость самоед, а нашла голодная такса, наполненная таксятами, и лежала всякая барахля, оставшаяся от былых стоянок человека. Там под землей, на глубине, были зарыты сопля мамонта и скальп индейского вождя, ждущие своих археологов, там шуршал безвредень и, как лиловая клеветка, лелелась аполлонница, короче, вам туда не пробраться, не дойти, и не надо трали-вали, там трава и так густа. Вот, короче, там и цвел репейник, и туда Саня Ладо приканал, чтобы его набрать. И теперь прилипал тот репейник к плечам ребят: кому-то три головки, кому-то четыре, кому-то одна, но жирная. Кто был генералиссимусом, а кто всего лишь маршалом. Так и появилась Армия Репейника.

Они разбились на отряды и тихорились по кустам. Никого не увидеть, только макушки изредка вырастали над невысокими поверхностями. Кого заметили – тому не жить. Михрютку и Хобяку поставили часовыми на стратегически важной точке. Все стояли по одному, Михрютка и Хобяка неразделимы. Где Михрютка – там Хобяка, где Хобяка – там проблемы. Да хоть бы и парочкой. По одному они неизвестно что, а вдвоем – один надежный дозорный. Вдвоем они славный парень, пусть даже и совершенно очевидно, что именно из таких парней вырастают хорошисты.

Днем никто не ходил по этой тропине, протоптанной собачниками. Зачем же появилась здесь эта техана с пакетами в руках?

– Смотрите, какие у вас ружья. Вы что, братья? – голос у нее был крайне приятный, как из советских фильмов.

– Мы не братья. И это не ружья, а автоматы.

– Надо же как. Не стреляйте, пожалуйста. Я мирный житель, из магазина иду.

– Тут дорога оцеплена. Нельзя ходить, – очень серьезно заявил Хобяка.

– Ага, до следующего караула нельзя ходить. Еще где-то пятнадцать минут нельзя, – подтвердил Михрютка.

– А как же мне идти? Мне домой надо.

– Придется в обход, по асфальту, – посочувствовал Хобяка.

– Вон там, по асфальту. Где поворотка пошла направо. Там можно, – вошел в положение Михрютка.

– Мальчики, у меня пакеты тяжелые. Давайте я тут быстренько пройду.

– Нейтральная территория начинается там. Там можно, – показал пальцем Хобяка.

– Там сможете пройти. А тут нельзя, – выдал резолюцию Михрютка.

– И опасно. У нас приказ, – продолжил Хобяка.

– А кто ваш командир? – все еще игриво спросила женщина.

– Этого мы не скажем, – отрезал Хобяка.

– Командир Санька Ладо, – проговорился Михрютка.

– Тихо ты, – толкнул напарника в бок Хобяка.

– Это Сашка Лодыгин, что ли? – удивилась соседка.

– Мы не скажем.

– Командир ваш меня знает. Я с его мамой дружу. Он мне разрешит. Считайте, что у меня пропуск.

Хобяка пожал плечами, как бы извиняясь за директиву начальства.

– Нельзя. Никому нельзя.

– Не просите, – подтвердил Михрютка.

Соседка теряла терпение.

– Мальчики, игра, конечно, интересная, но я пойду.

Женщина беспрепятственно протиснулась мимо них и засеменила по тропинке.

– Стойте! – крикнул Хобяка.

– Стреляй, – неуверенно шепнул Михрютка.

– Ты стреляй, – попросил Хобяка.

– Я сейчас выстрелю! Мне придется вас убить! Вернитесь! – уверенно крикнул Михрютка и прицелился. – Извините!

Михрютка дал очередь. Подхваченная силой, женщина задрала голову и выгнула спину – ну чисто лебедь, готовая взлететь. Приподняла руки с пакетами, как крылья, выпустила оба пакета из рук, и те одновременно шлепнулись на землю. Вслед за ними, через мгновение, навзничь на землю упало человеческое тело.

Михрютку охватил восторг, восторг мощи, лежащей в его руках. Благодарный женщине, которая так реалистично

отыграла собственную смерть, он улыбнулся, глаза его горели. Лицо Хобяки тоже разрезала улыбка. Женщина лежала на тропине, не шевелясь. Обычно лояльные игре взрослые поднимались почти сразу, эта же взрослая играла максимально реалистично. Вскоре стало заметно, как в землю впитывается тяжелая кровь.

Отряд собрался вокруг места происшествия. Дети окружили соседку плотным кольцом. Абрикосовое Мыло потыкал тело тополиной веткой в бок. Саня авторитетно и молча размышлял, находясь как бы над ситуацией.

– Похоже, реально померла.

– Аминь. Свободная касса.

– Может, ее хотя бы в кусты оттащить?

– Может, тебя в кусты оттащить, чучундра? А если кто увидит, что мы скажем?

– Так что делать-то?

– Расходимся, и все тут. И дело с концом. Может, она сама по себе скирикнулась.

– Ага, «подавилась». Ты пулевое отверстие видел?

– Ха-ха, Махор, ты стреляешь, как моя бабуля. А она стреляет очень хорошо.

– Я не хотел, не хотел ее убивать, я просто стоял на посту!

Михрютка не переставал ныть. Это раздражало. Хобяка держался.

– Не квохчи, Махор, ты просто исполнял свой долг. Мы все это знаем.

– Какой же ты, мальчишка, плакса.

– Максик-плаксик.

– Ну все, теперь посадят в тюрьму нашу Михрюточку, – издевалась Полоска Света.

– До осени посадят, может, даже дольше.

– До осени? Они его вообще больше не выпустят. Никогда! Это взрослая теха была, не какой-нибудь пацан. Тем более мирная. Домой шла.

– Мирная или нет, она пересекала подконтрольную зону. Михрютка ее предупреждал.

– Я предупреждал.

– Он предупреждал.

– Он часовой, а не какой-нибудь там.

– Кто виноват, что теха не слушалась? Закон военного времени.

– Это у нас «военного времени», а у них обычный мирный день.

– Нам по фигам, кто у них мирный. У нас не мирный. У них свои законы – у нас свои. Мы Михрютку им не отдадим, потому что для них он мальчонка кровавые ладошки, а для нас герой. Не отдадим, потому что мы своих не бросаем, – вдруг отрезал Саня.

– И что скажем, когда придут милитоны?

– Ничего не скажем.

– А что будем делать, когда они начнут нас арестовывать?

– Будем отстреливаться.

В этот момент лицо Сани засияло. С этих пор его лицо всегда будет лучиться изнутри газовым светом, то самое лицо, которое будет воспроизведено и растиражировано в сотнях транспарантов по всей подпольной Малышати, геройский профиль с гордо задраннным носом.

Во дворе, как писали в дедушкиных книгах, вспыхнуло пламя войны.

– Ах ты ж тварь! – кричал омонию, получая пулю, которая сносила крышку черепной коробки и обнажала желтовато-коричневое содержимое.

Твари было пять лет, и звалась она Алешкой, людей на своем веку она положила немало, было у нее четыре медали за взятие ледяной горки и орден «Героя космических войн», но таких реальных полицаев она со своего балкона отстреливала впервые. Пули Алешкиного ковбойского «смит-н-вессона» были бесконечными.

В те времена, про которые идет речь, еще существовали телевизоры, и в телевизорах этих разбушевались нешуточные страсти и дискуссии по поводу того, как могли бедные маленькие детишки умертвить взрослую гражданку из автомата. Милитонские начальники настаивали, что не только могли, но сделали это из оружия не боевого, а самого что ни на есть игрушечного, что уж совсем немного, скажем прямо, странно. Странно не странно, но двор пришлось осадить, так как дети не хотели вступать в диалог о выдаче преступника, и подкрепление из автобусов омонию постоянно прибывало.

Прибывали и военные журналисты – это такие храбрые люди с камерами вместо автоматов.

После первого же приезда милитонов было принято решение спрятаться на стройке и усилить милитаризованную зону. Для этих целей Гаврила-Гавнила принес откуда-то моток красно-белой ленты. Все оживились находке, она означала, что дело обретает серьезный оборот.

– Гаврила – молочандра! Где нарыл?

– Там, у забора лежало.

– Какого забора?

– Каво нада забора.

Гаврила был малоросл, с хитрым подвижным лицом, в кепочке и с большущим рюкзаком за плечами. С кепочкой и рюкзаком он не расставался никогда. С кепочкой – из-за прогрессирующей плешивости (а не надо было так часто чесать свою голову, не стал бы досрочно лысеть), с рюкзаком – по одному ему известным причинам (горб?). Гаврила часто озирался по сторонам, стучал по собственным карманам, боясь, что кто-нибудь захочет стянуть его вещи. Голос его был тих и приятен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.